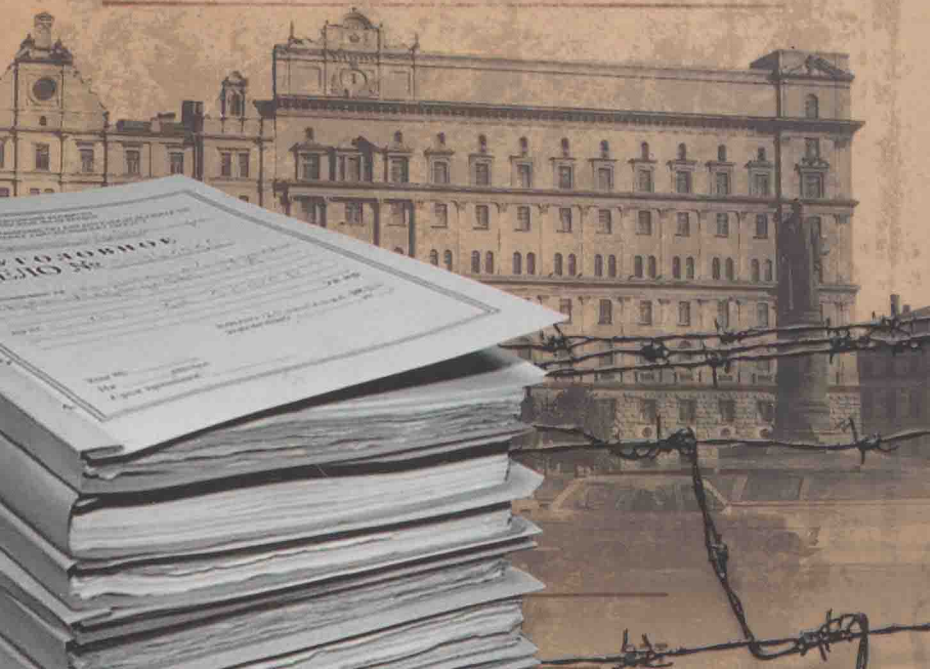

ДЕЛО № 13-027

СЕКРЕТНЫЕ АРХИВЫ НКВД—КГБ

Борис Сопельняк

Борис СОПЕЛЬНЯК

СЕКРЕТНЫЕ
АРХИВЫ
НКВД — КГБ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)

ББК 63.3

С64

Сопельняк, Б.Н.

С64 Секретные архивы НКВД—КГБ / Борис Сопельняк. —
М. : Вече, 2014. — 416 с. : ил. — (Гриф секретности снят).

ISBN 978-5-4444-1589-4

Знак информационной продукции 16+

В 1934 году ОГПУ было преобразовано в НКВД. Только за 1937—1938 годы было арестовано полтора миллиона человек, из них около 800 тысяч расстреляно. В 1954-м мрачное здание на Лубянке снова поменяло вывеску и стало называться Комитетом государственной безопасности — КГБ. Самое странное, что под чекистский меч попадали не только так называемые диссиденты, но и писатели, музыканты, художники и другие деятели искусства, которые, при всем желании, не могли свергнуть советскую власть. Именно поэтому авторитет КГБ в народе был крайне низок, и именно поэтому все облегченно вздохнули, когда в декабре 1991 года Комитет государственной безопасности был упразднен и как таковой перестал существовать.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-1589-4

© Сопельняк Б.Н., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
РАССТРЕЛЯННЫЙ ТЕАТР	5
ДВЕ ПУЛИ ДЛЯ ДВУХ СЕРДЕЦ.....	35
ГОЛГОФА КРАСНЫХ ДИПЛОМАТОВ.....	63
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ЯКОВА ДЖУГАШВИЛИ.....	97
НАГРАДА РОДИНЫ — ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ РАССТРЕЛА.....	112
ГРАФ ТОЛСТОЙ ПРОТИВ НКВД	129
ПАЛАЧИ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ	153
СОЛОВЕЙ НЕ ПОЕТ В КЛЕТКЕ.....	172
ПОБЕГ В ДЫРЯВОМ ЧЕМОДАНЕ.....	206
СМЕРТЬ В РАССРОЧКУ	229
ЗАГАДКА ДЕЛА ВАЛЛЕНБЕРГА	258
КРОВАВЫЕ БУДНИ УКРАИНСКОГО МОЙСЕЯ	277
ПОСЛЕДНИЙ УЗНИК ШПАНДАУ.....	299
СОЛОВЕЙ С КОГТЯМИ ГРИФА.....	340
ПА-ДЕ-ДЕ С ВСЕСИЛЬНЫМ КГБ.....	349
ПОСЛЕДНИЙ «ПРЕДАТЕЛЬ» РОДИНЫ.....	367
ИУДЫ В КАЗЕННЫХ ФРАКАХ	383

Борис СОПЕЛЬНЯК

СЕКРЕТНЫЕ АРХИВЫ НКВД—КГБ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)

ББК 63.3

С64

Сопельняк, Б.Н.

С64 Секретные архивы НКВД—КГБ / Борис Сопельняк. — М. : Вече, 2014. — 416 с. : ил. — (Гриф секретности снят).

ISBN 978-5-4444-1589-4

Знак информационной продукции 16+

В 1934 году ОГПУ было преобразовано в НКВД. Только за 1937—1938 годы было арестовано полтора миллиона человек, из них около 800 тысяч расстреляно. В 1954-м мрачное здание на Лубянке снова поменяло вывеску и стало называться Комитетом государственной безопасности — КГБ. Самое странное, что под чекистский меч попадали не только так называемые диссиденты, но и писатели, музыканты, художники и другие деятели искусства, которые, при всем желании, не могли свергнуть советскую власть. Именно поэтому авторитет КГБ в народе был крайне низок, и именно поэтому все облегченно вздохнули, когда в декабре 1991 года Комитет государственной безопасности был упразднен и как таковой перестал существовать.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-1589-4

© Сопельняк Б.Н., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОТ АВТОРА

В предыдущем томе «Секретных архивов» мы рассматривали скрытую от народа деятельность самого страшного и самого кровавого монстра всех времен и народов под названием ВЧК—ОГПУ. За семнадцать лет своего существования это зловещее чудовище пролило столько крови, уничтожило столько достойнейших людей России, что эти потери мы ощущаем до сих пор.

В 1934-м ОГПУ было преобразовано в НКВД во главе с Генрихом Григорьевичем Ягодой (на самом деле Енохом Гершеневичем Иегудой). За два года руководства НКВД Ягода наломал немало дров, но по сравнению с тем, что натворил сменивший его Николай Ежов, это были, если так можно выразиться, цветочки. Время «ежовщины» — это время невиданного размаха репрессий. Судите сами: только за 1937—1938 годы было арестовано полтора миллиона человек, из них около 800 тысяч расстреляно.

Сменивший его на посту руководителя НКВД Лаврентий Берия был достойным продолжателем дела своих предшественников: аресты и расстрелы продолжались в тех же чудовищных масштабах. Одно дело, когда судили Бухарина, Сокольников или Тухачевского — хотя бы теоретически они могли представлять угрозу для обитателей Кремля, и совсем другое, когда в застенках Лубянки оказывались такие люди, как Всеволод Мейерхольд, Михаил Кольцов, Лидия Русланова, Зоя Федорова и даже несовершеннолетние мальчишки и девчонки.

В 1954-м мрачное здание на Лубянке снова поменяло вывеску и стало называться Комитетом государственной безопасности —

КГБ. Задачи, которые поставила партия перед КГБ, на первый взгляд, были возвышенны и благородны: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Как ни грустно об этом говорить, но КГБ прославился не только блестяще проведенными операциями против шпионов и террористов, но и жестоким преследованием всех, кто устно или письменно выражали сомнения в гениальности линии партии или богоизбранности обитателей Кремля.

Самое странное, под чекисткий меч (а я напомним, что символом этой организации являются щит и меч) попадали не только так называемые диссиденты, но и писатели, музыканты, художники и другие деятели искусства, которые, при всем желании, не могли свергнуть советскую власть. Именно поэтому авторитет КГБ в народе был крайне низок, и именно поэтому все облегченно вздохнули, когда в декабре 1991 года Комитет государственной безопасности был упразднен и как таковой перестал существовать.

РАССТРЕЛЯННЫЙ ТЕАТР

Не только история русского театра двадцатого века, но и история мирового театра немыслима без Мейерхольда. То новое, что этот великий мастер внес в театральное искусство, живет в прогрессивном театре мира, и будет жить всегда.

Назым Хикмет

Как жаль, что эти слова великого поэта о великом мастере театрального искусства были сказаны в 1955-м, а не пятнадцатью годами раньше! Как жаль, что вклад Мейерхольда в прогрессивный театр мира признан лишь теперь, а не в довоенные годы, когда Всеволод Эмильевич жил и творил!

Прозвучи эти слова тогда, подпишись под ними все те, кто его хорошо знал и работал с ним бок о бок, прояви они гражданское мужество тогда, а не пятнадцатью годами позже, возможно, и не было бы дела № 537, утвержденного лично Берией и закончившегося приговором, подписанным Ульрихом: «Мейерхольд-Райха Всеволода Эмильевича подвернуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества».

Чем объясняется невероятная спешка, связанная с арестом Мейерхольда, что за ветры подули в коридорах Лубянки, сказать трудно, но столичные энкавэдешники даже не стали ждать возвращения Всеволода Эмильевича в Москву, а приказали арестовать

его ленинградским коллегам. 20 июня 1939 года его взяли прямо в квартире на набережной Карповки. О том, как это случилось, рассказывает его давний знакомый Ипполит Александрович Романович.

— Я был последним, кто видел Мейерхольда на свободе, — вспоминает он. — Я расстался с ним в четыре часа утра. Последнюю в своей нормальной жизни ночь он провел в квартире у Юрия Михайловича Юрьева. Их дружба-любовь началась еще со времен работы над «Дон Жуаном» в Александринском театре.

Накануне вечером Всеволод Эмильевич пришел к Юрьеву поужинать. Он был мрачен и почему-то все время расспрашивал о лагере, вдавался в детали жизни заключенных. На рассвете Всеволод Эмильевич и я вышли из квартиры Юрьева. В руках Мейерхольд держал бутылку белого вина и два бокала — для себя и для меня. Мы устроились с бутылкой на ступеньках лестницы и продолжали тихо говорить о том о сем, в том числе снова о лагере и о тюрьме. Меня внезапно охватило странное чувство: мне захотелось поцеловать руку Мастера. Но я устыдился своего порыва и, смущенно откланявшись, пошел наверх, — закончил Ипполит Александрович.

А через несколько часов будущего врага народа посадили в спецвагон и, проведя осмотр на «загрязнения и вшивость», под усиленным конвоем отправили в Москву.

На следующий день начальник тюрьмы, врач и конвоир подписали акт, что «произведена санобработка и дезинфекция вещей арестованного, согласно его осмотра и личного опроса загрязнения и вшивости у него не имеется», посадили будущего врага народа в вагон и под усиленным конвоем отправили в Москву.

Юридическим обоснованием этой акции было постановление на арест, подписанное Лаврентием Берией и его правой рукой в такого рода делах начальником следственной части Богданом Кобуловым. (В 1953-м оба будут арестованы, приговорены к высшей мере наказания и в один день и час расстреляны. — Б.С.).

Вчитайтесь в эти строки, и вы поймете не только то, как сочинялись такие документы, но и кто этим занимался, — ведь Берия и его ближайшее окружение лишь подписывали эти бумаги, тем самым благословляя на кровавый беспредел палачей рангом пониже.

«Я, капитан государственной безопасности Голованов, нашел: имеющимся агентурным и следственным материалом Мейерхольд В.Э. изобличается как троцкист и подозрителен по шпионажу в пользу японской разведки.

Установлено, что в течение ряда лет Мейерхольд состоял в близких связях с руководителями контрреволюционных организаций — Бухариным и Рыковым.

Арестованный японский шпион Иошида Иошимасу еще в Токио получил директиву связаться в Москве с Мейерхольдом. Установлена также связь Мейерхольда с британским подданным по фамилии Грей, высланным в 1935 году из Советского Союза за шпионаж.

Исходя из вышеизложенного, постановил: Мейерхольда-Райх Всеволода Эмильевича арестовать и провести в его квартире обыск».

Приезда Мейерхольда в Москву ждать не стали и к обыску в Брюсовском переулке, где он жил вместе со своей женой Зинаидой Райх, приступили немедленно. Зинаида Николаевна была женщиной темпераментной, права свои знала, поэтому стала горой на пороге своей комнаты: «В бумагах и вещах мужа рыться можете, а в моих — нет! К тому же в ордере на обыск мое имя отсутствует».

Произошел скандал, закончившийся чуть ли не рукоприкладством. Во всяком случае, младшему лейтенанту Власову пришлось отчитываться перед начальством и писать рапорт, в котором он, само собой разумеется, всю вину перекладывает на хрупкие плечи женщины. При этом лейтенант, как советский офицер и истинный поклонник прекрасного, не может не бросить тень на известную

всей стране актрису. «Во время обыска жена арестованного очень нервничала, — пишет лейтенант, — при этом заявляя, что мы не можем делать обыска в ее вещах и документах. Сказала, что напишет на нас жалобу. Сын стал успокаивать ее: “Мама, ты так не пиши и не расстраивайся, а то опять попадешь в психиатрическую больницу”»).

А Всеволода Эмильевича бросили в печально известную Внутреннюю тюрьму, которую в народе называли «нутрянкой». Там все начиналось с заполнения анкеты арестованного. Вот она, эта кричащая от жуткой боли анкета. Я держу ее в руках, и, видит Бог, не могу унять дрожь в пальцах — ведь этот леденящий кровь документ был пропуском в самый настоящий ад, тот ад, где били и пытали, где драли и полосовали, где калечили и терзали, а потом и убивали.

Из этой анкеты мы узнаем, что Всеволод Эмильевич родился в 1874 году в Пензе, по национальности — немец, образование — среднее. Отец, который был купцом, умер, мать — тоже. Жена — Зинаида Райх, актриса. Дети — Есенина Татьяна, 21 год, и Константин, 19 лет. И Татьяна, и Константин — дети Зинаиды Райх от ее брака с Сергеем Есениным. Всеволод Эмильевич — член ВКП (б) с 1918 года. Место работы — Государственный оперный театр имени Станиславского, должность — главный режиссер.

Через несколько дней начались допросы. Они шли днем и ночью, причем, как позже выяснится, очень жесткие, а порой и жестокие. Уже через неделю следователи добились весьма ощутимых результатов: Мейерхольда вынудили написать собственноручное заявление самому Берии. Вот что написал и подписал Мейерхольд 27 июня 1939 года:

«Признаю себя виновным в том, что, во-первых: в годах 1923—1925 состоял в антисоветской троцкистской организации, куда был завербован неким Рафаилом. Сверхвредительство в этой организации с совершенной очевидностью было в руках Троцкого. Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа

на театре (одна из постановок была посвящена Красной Армии и “первому красноармейцу Троцкому” — “Земля дыбом”).

Во-вторых. В годы приблизительно 1932—1935 состоял в антисоветской правотроцкистской организации, куда был завербован Милютиной. В этой организации состояли Милютин, Радек, Бухарин, Рыков и его жена.

В-третьих. Был привлечен в шпионскую работу неким Фредом Греем (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года. Он уговаривал меня через свою жену, которая была моей ученицей, бросить СССР и переехать либо в Лондон, либо в Париж.

Результатом этой связи были следующие преступные деяния в отношении моей Родины:

а) Я дал Грею рекомендательную записку на знакомство с зам. председателя наркомфина Манцевым, прося последнего принять Грея.

б) Я организовал Грею по его просьбе свидание с Рыковым в моей квартире.

в) Я дал Грею рекомендацию на его ходатайство о продлении визы на долгое проживание в СССР.

Подробные показания о своей антисоветской, шпионской и вредительской работе я дам на следующих допросах».

В принципе следствие можно было заканчивать и дело закрывать, так как Всеволод Эмильевич признался практически во всем, что ему вменялось в вину. Правда, он забыл, что является еще и японским шпионом, но ему об этом очень скоро напомнят.

И все же следствие решило выяснить детали, касающиеся вредительской деятельности Мейерхольда в области искусства.

— На предыдущем допросе вы заявили, что в течение ряда лет были двурушником и проводили антисоветскую работу. Подтверждаете это?

— Да, поданное мною на прошлом допросе заявление подтверждаю, — заверил Мейерхольд. — В антисоветскую группу я был вовлечен неким Рафаилом, который руководил Московским

отделением народного образования и одновременно Театром Революции, директором которого являлась Ольга Давыдовна Каменева (Розенфельд) — жена врага народа Каменева и сестра иудушки Троцкого. Я же был заведующим художественной частью и режиссером этого театра. В то время я познакомился со статьями Троцкого в его книге о культурном фронте и не только впитал распространяемые в ней идеи, но и отображал на протяжении всей своей дальнейшей работы.

— Почему эта вражеская книга оказала на вас такое влияние?

— Потому что Троцкий восхвалял в ней и меня. Он называл меня «неистовым Всеволодом», чем сравнивал с неистовым Виссарионом Белинским. Что касается Рафаила, то он хорошо знал о моих антисоветских настроениях и щедро отпускал средства на мои постановки в Театре Революции.

— Стало быть, троцкисты поддерживали вас материально за то, что вы проводили по их установкам вражескую работу?

— Да, это было именно так. Моя антисоветская вредительская работа заключалась в нарушении государственной установки строить искусство, отражающее правду и не допускающее никакого искажения. Я эту установку настойчиво и последовательно нарушал, строя, наоборот, искусство, извращающее действительность.

— Только по линии руководимого вами театра?

— Нет. Наряду с этим я старался подорвать основы академических театров. Особенно сильный удар я направлял в сторону Большого театра и МХАТа, и это несмотря на то, что они были взяты под защиту самим Лениным. После 1930 года моя антисоветская работа еще более активизировалась, так как я возглавил организацию под названием «Левый фронт», охватывающую театр, кино, музыку, литературу и живопись. Мое антисоветское влияние распространялось не только на таких моих учеников, как Сергей Эйзенштейн, Василий Федоров, Эраст Гарин, Николай Охлопков, Александр Нестеров, Наум Лойтер, но и на ряд представителей других искусств.

— Кто эти лица? Назовите их! — настойчиво потребовал следователь.

И Мейерхольд назвал. Понимал ли он, что делает? Отдавал ли себе отчет в том, что по каждому названному имени тут же начнется оперативная разработка, что каждый из его друзей может оказаться в соседней камере? Мы еще получим ответы на эти вопросы, а пока что он — воспользуемся тюремным жаргоном — безудержно колочился.

— Начну с кино. Здесь мое влияние распространялось на Сергея Эйзенштейна, который является человеком, озлобленно настроенным против советской власти. Нужно сказать, что он проводил и практическую подрывную работу. Хорошо известно, что советское правительство командировало его в Америку в надежде получить оборудование для творческой киностудии. Так вот, вместо того, чтобы работать в контакте с «Амторгом», он продался капиталисту Синклеру, в руках которого остался заснятый Эйзенштейном фильм. Вражеская работа Эйзенштейна выражалась еще и в том, что он пытался выпустить на экран антисоветский фильм «Бежин луг», но, к счастью, это ему не удалось, так как по указанию правительства съемка была прервана.

А мой выученик Эраст Гарин, израсходовав большие средства, сработал фильм «Женитьба» по Гоголю. Но эта картина, как искажающая классическое произведение, не была допущена до экрана.

Мой же выученик, режиссер Киевской киностудии Ромм, поставил фильм по сценарию Юрия Олеши «Строгий юноша», в котором было оклеветано советское юношество, и молодежь показана не как советская, но, по настроениям самого Олеши, с фашистским душком. По линии кино — это все, — перевел дух Мейерхольд.

— А на другие виды искусства ваше влияние не распространялось? — не унимался следователь.

— Конечно, распространялось! В живописи, например, под моим влиянием находился Давид Штернберг. Еще более антисо-

ветски настроен мой бывший ученик художник Дмитриев. Что касается литературного фронта, то антисоветские разговоры, направленные против партии и правительства, я неоднократно вел с Борисом Пастернаком. Он вообще настолько озлоблен, что в последнее время ничего не пишет, а занимается только переводами. Аналогичные позиции занимает поэт Пяст. Вплоть до его ареста прямые антисоветские разговоры были и с писателем Николаем Эрдманом.

Много, очень много рассказал Всеволод Эмильевич, и народу сдал немало, но его следователь, лейтенант Воронин, этими всеобъемлющими показаниями был не удовлетворен. Почти целую неделю Мейерхольда не вызывали на допросы, но в покое его не оставили: с подследственным работали заплечных дел мастера. Результаты не замедлили сказаться.

— Намерены ли вы говорить правду до конца? — требовательно спросил лейтенант на следующем допросе.

— Да, конечно, — торопливо ответил Мейерхольд. — Я ничего не намерен скрывать, и расскажу не только о своей вражеской работе, но и выдам всех своих сообщников.

Именно этого и добивался следователь: ему нужно было сломать не только физически, но и морально не очень здорового 65-летнего деятеля искусств. Путаясь и сбиваясь, возвращаясь от одних событий к другим, Всеволод Эмильевич причисляет к антисоветски настроенным людям композиторов — Шостаковича, Шебалина, Попова и Книппера, прозаиков и поэтов — Сейфуллину, Кирсанова, Брика, Иванова, Федина, а также многих актеров, художников и режиссеров.

Но самым злым гением был, конечно же, Илья Эренбург. Когда Всеволод Эмильевич заявил, что в троцкистскую организацию его вовлек именно Эренбург, следователь картинно усомнился:

— Не врете ли вы? Не оговариваете ли Илью Эренбурга?

— Нет, я говорю правду, — настаивал на своем Мейерхольд. — Илья Эренбург, как он сам мне говорил, является

участником троцкистской организации, причем с весьма обширными связями не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В 1938 году он и французский писатель Андре Мальро были у меня на квартире и вели оживленную беседу на политические темы: они были уверены, что троцкистам удастся захватить власть в свои руки.

— А вы, лично вы, разделяли эти предательские вождедения? — уточняюще спросил следователь.

— Да, разделял. Именно поэтому Эренбург прямо поставил вопрос о моем участии в троцкистской организации, на что я дал свое согласие. Тогда же была сформулирована главная задача нашей организации: не отчаиваться в связи с арестами и пополнять свои ряды, чтобы добиться осуществления окончательной цели, то есть свержения советской власти.

— В этом направлении вы и действовали?

— Именно так. Больше того, я вовлек в нашу организацию и Пастернака, и Олешу, а несколько позже и Лидию Сейфулину. Ей я поручил антисоветскую обработку писательской молодежи, а Юрия Олешу мы хотели использовать для подбора кадров террористов, которые бы занимались физическим уничтожением руководителей партии и правительства. Насколько мне известно, именно с этой целью он вовлек в наши ряды ленинградского писателя Стенича и режиссера Большого драмтеатра Дикого. Насколько мне известно, впоследствии оба были разоблачены и арестованы органами НКВД.

— А в чем заключалась ваша антисоветская связь с Шостаковичем и Шебалиным?

— Шостакович не раз выражал свои озлобленные настроения против советского правительства. Он мотивировал это тем, что, мол, в европейских странах его произведения очень ценят, а здесь за них только прорабатывают. В связи с этим он выражал намерение выехать за границу и больше в Советский Союз не возвращаться. Что касается Шебалина, то он тоже был в большой